

П. П. Ершов
КОНЕК-ГОРБУНОК

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Петр Ершов

Петр Ершов

КОНЕК- ГОРБУНОК

Художник
А. Афанасьев

Санкт-Петербург
СЗКЭО

Москва
ОНИКС-ЛИТ

УДК 811.161.1-93

ББК 83.3

Е98

Е98 Ершов Петр. Конек-Горбунок — Санкт-Петербург, СЗКЭО, 2019. — 208 с., ил.

Стихотворная сказка Петра Павловича Ершова — классика детской отечественной литературы. Впервые текст «Конька-горбунка» был опубликован в 1834 году. Очарование сочиненной Ершовым сказки было основано на народном сюжете, на юморе и на разговорном ритме стиха.

ISBN 978-5-9603-0468-9

© СЗКЭО, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начинает сказка сказываться...

За горами, за льдами,
За широкими морями,
Против неба, на земли,
Жил старик в одной сель.
У старичушки три сына;
Старший умный был дитина;
Средний сын — и так, и сакз,
Младший — вовсе был дуракз.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.

Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилось им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать;¹
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

¹ Соглядать — подсмотреть.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший братъ собираться;
Вынул вилы и топора,
И отправился въ дозоръ.

Вот, как стало лишь смеркаться,
 Начал старший брат собирать,
 Вынул вилы и топор
 И отправился в дозор.
 Ночь ненастная настала;
 На него боязнь напала,
 И со страхов наш мужик

Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».
Братя двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливня и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнова смеркаться.
Средний брат пошёл собирать;
Взял и вилы, и топор,
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малаго напала
Зубы начали стучать...
Онь ударились бжать.

Стало сызнова смеркаться,
 Средний брат пошёл собирать;
 Взял и вилы и топор
 И отправился в дозор.

Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз —
До животиков промёрз».

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной
Ночью холод был ужасный,
До сердец меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Тало въ третій разъ смеркатъся,
Надо младшему сбиратъся;
Онъ и ухомъ не ведётъ,
На печи въ углу поётъ
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасныя вы очи!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять¹,
Стали в поле погонять,
Но, сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли;
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,

¹ Пенять — укорять, упрекать.

..... Наконец,
 Подошел к нему отец.
 Говорит ему: «Послушай,
 Ты пойдёшь в дозор, Ваню-
 ша;
 Я куплю тебе лубков,
 Дам гороху и бобов».

Побегай в дозор, Ванюша;
 Я куплю тебе лубков¹,
 Дам гороху и бобов».
 Тут Иван с печи слезает,
 Малахай² свой надевает,

¹ Лубки — здесь: ярко раскрашенные картинки.

² Малахай — здесь: длинная, широкая одежда без пояса.

Ночь настала; месяцъ всходитъ;
Пале все Иванъ обходитъ,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустамъ.

Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.
Ночь настала; месяцъ всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,

Звёзды на небе считаетъ,
Да краюшку уплетаетъ.

И садится под кустом;
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.

Вдруг о-полногъ конь заржалъ...
Караульщикъ нашъ привѣталъ,

Посмотрѣлъ подъ рукавицу,
И увидѣлъ кобылицу.

Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умсю,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И прыгну́л к ней на хребёт —
Только задом наперёд.

Кобылица молодая,
Очью¹ бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьётся кру́гом над полями,
Виснет пластью² надо рвами,

¹ Очью — очами, глазами.

² Пластью — пластом.

Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною,
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:

Мигѣся скокомъ по горамъ,
Ходиѣ дьдомъ по лѣсамъ;
Хожеѣ снлой, нль одмакомъ,
Аишь бы справиѣся съ Иваномъ;
Но Иванъ и самъ не проеѣ:
Крѣпко держиѣся за хвостѣ.

Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван
И в пастуший балаган¹
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню
«Ходил мóлодец на Пресню».
Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать, —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая

¹ Балаган — здесь: шалаш, сарай.

Вот онъ входитъ на
крыльцо,
Вотъ хватаетъ за кольцо,
Что есть силы въ дверь стучится,
Такъ что кровля шевелится,
И кричитъ на весь базаръ,
Словно случается пожаръ.

Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на небе считал;
Месяц, ровно,¹ тоже свётил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плошки!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочил ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал.
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах².
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,

¹ Ровно — будто, словно.

² Жомы — тиски, пресс.

Братья двери отворили,
Дурака въ издѣ пустили,
И давай его ругать,
Какъ онъ смѣлъ ихъ такъ пугать.

Да чертёнку и поверил». .
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не смог сдержаться,
Чтоб до слёз не посмеяться,
Хоть смеяться — так оно
Старикам уж и грешно.
Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? — Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.

Объезди разказици замилалъ,
Потъкнулъ и задремалъ.
Брѣвѣхъ сколько ни сѣрѣгали,
Не могли — задрѣгали,
Ударили за бѣка,
Надъ разказомъ дурака.

„Хмъ! Теперь то я узналъ,
А для чего здѣсь дурень спалъ!“

«Хм! теперь-то я узнал,
Для чего здѣсь дурень спал!» —
Говорит себе Данило...
Чудо разом хмель посбило;
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:

И Данило да Таврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве, прямикам,
Так и идут босиком.

«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,

По крапиве прямиком
Так и дуют босиком.
Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? —
(Старший среднему сказал)
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу¹
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.

¹ Седмица — неделя.

А съ деньжонками, самъ знаешь,
И попьешь, и погуляешь,
Только хлопни по мышку."

А. А. /

И вернулись домой,
Говоря между собой
Про коней, и про пирушку
И про гудящую збѣрушку.

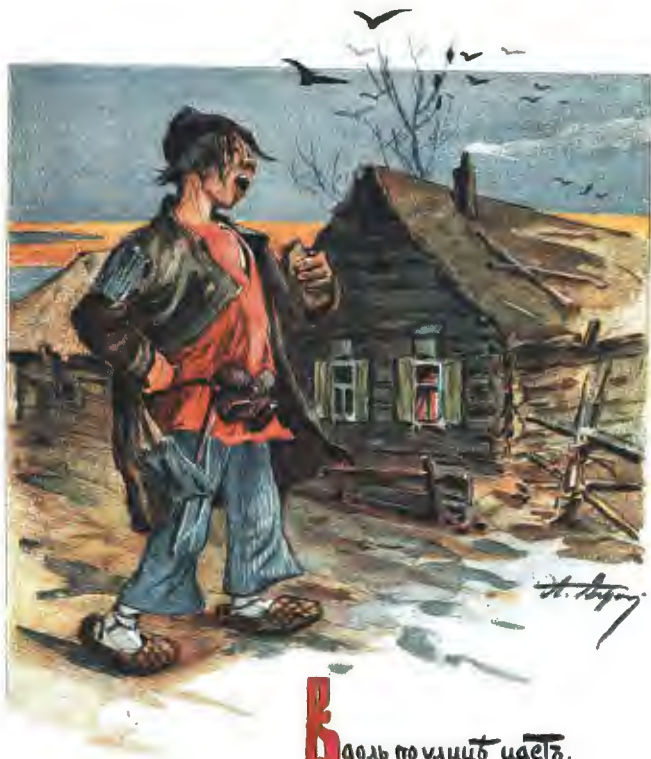
А благому дураку
Не достанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней, и про пирушку,
И про чудную зверушку.
Время катит чередом,
Час за часом, день за днём, —
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Что б товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить христиан?
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком.

Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,

НА ПЕРВУЮ СЕДЬМИЦУ
БРАТЯ БДУТЪ ВЪ ГРАДЪ-СТОЛИЦУ....

Вдоль по улицѣ идѣтъ,
бѣтъ краюшку, да поѣтъ.

Руки в боки подпирает
И с прискачкой, словно пан,
Боком входит в балаган.
Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок

Какъ завоюетъ тутъ Иванъ,
Опершись о балаганъ...

У его вертелся ногъ,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Какъ завоюетъ тутъ Иванъ,
Опершись о балаганъ:

«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал.
Да какой вас чёрт украл?
Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!¹
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»

Тут конёк ему заржал.
«Не тужи, Иван, — сказал, —
Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю,
Ты на чёрта не клеи²:
Братья коников свели.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пущусь да побегу,
Так и беса настигу».³
Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,

¹ Буерак — небольшой овраг.

² Не клеpli — не обвиняй напрасно, не клевети.

³ Настигу — настигну, догоню.

Уши в загреби¹ берёт,
 Что есть мочушки ревёт.
 Горбунок-конёк встряхнулся,
 Встал на лапки, встрепенулся,
 Хлопнул гривкой, захрапел
 И стрелою полетел;
 Только пыльными клубами
 Вихорь вился под ногами,
 И в два мига, коль не в миг,
 Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
 Зачесались и замаялись.
 А Иван им стал кричать:
 «Стыдно, братья, воровать!
 Хоть Ивана вы умнее,

¹ Загребь — горсть.

Дорогой, ты, нашъ Иваша!
Что переться — дело наше...

Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал». —
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша!
Что переться¹ — дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот².

¹ Переться — спорить, отпираться.

² Живот — здесь: имущество, добро.

Сколь пшеницы мы не сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
А коли неурожай,
Так хоть в петлю полезай!
Вот в такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю напереднишнюю ночь —
Чем бы горяшку помочь?
Так и этак мы решили,
Наконец вот так вершили,
Чтоб продать твоих коньков
Хоть за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить к слову,
Привезти тебе обнову —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик неможет¹,
Работать уже не может,
А ведь надо ж мыкать век, —
Сам ты умный человек!» —
«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало на небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,

¹ Неможет — болен; немочь — болеть.

Вот Данило вдруг приметил,
 Что огня вдали засветил.
 На Гаврилу он взглянул,
 Левым глазом подмигнул
 И прижал ладонь к лезению,
 Указав огонь Троицкий.

Решено остановиться.
 Под навесами ветвей
 Привязали всех коней,
 Принесли с естным¹ лукошко,
 Опохмелились немножко
 И пошли, что боже даст,
 Кто во что из них горазд.

Вот Данило вдруг приметил,
 Что огонь вдали засветил.
 На Гаврилу он взглянул,
 Левым глазом подмигнул

¹ Естное — съестное.

И, прикашлянув легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как тёмно! — он сказал. —
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... Мне сдаётся,
Что дымок там светлый вьётся...
Видишь, эвон!.. Так и есть!..
Вот бы курево¹ развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша.
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня». .
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь² знает, что горит!
Коль станичники³ пристали —
Поминай его, как звали!»

Всё пустяк для дурака,
Он садится на конька,
Бьёт в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...

¹ Курево — здесь: огонь, костёр.

² Кто-петь — здесь: кто же.

³ Станичники — здесь: разбойники.

Буди съ нами крестна сила!
(Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестомъ святымъ,)

Конь взвился, и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.
Светит поле, словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится,
Диву дался тут Иван:
«Что, — сказал он, — за шайтан!
Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо — огонёк!»
Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.
Много, много непокою
Принесёт оно с собою». —
«Говори ты! как не так!» —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился;

„Говори ты! какъ не такъ!
Про себя ворчитъ дуракъ
И поднявъ перо Жаръ-птицы,
Завернулъ его въ Тряпицы,

Раздувал его я с час,
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.
В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий¹ —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.
Рядом едет с ним глашатай,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости²! Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте;
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому,

¹ Городничий — в старину градоначальник.

² Гость — старинное название купца, торговца.

Ни давёжа¹, ни погрому,
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрят — давка от народу,
Нет ни выхода, ни входу;
Так кишма вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.
«Эй вы, черти, босоноги!
Прочь с дороги! Прочь с дороги!»
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

¹ Давёж — давка.

Эй, честные господа,
Куда мать пожелайте сюда!
Как у насъ-ли тары-бары,
Сяки разные товары!"

Жежду Тѣмъ градской Орядъ
Прѣзжаеѣ въ конный рядъ:
Смоѣриѣ даѣка оѣ народу,
Нѣтъ ни вѣходу, ни вѣхѣду;
Такъ кишмя вѣтъ и кишѣтъ,
И смѣются, и кричатъ.

ородничій удивилсѧ,
Що народъ развеселилсѧ....

Т

УТЪ НАРОДЪ ЗАШЕВЕЛИЛСЯ,
ШАПКИ СНЯЛЪ И РАЗСТУПИЛСЯ.

„Конецъ-Порбунекъ“ Ершова.

Пред глазами конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, — молвил, — божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престоного всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец,
«Ты помилуй, царь-отец! —
Городничий восклицает
И всем телом упадет. —
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно». —
«Как умею, расскажу:

Породничий, между Тольз,
Наказал престога всегъ,
Чтобъ коней не покупали,
Не звали, не кричали,
Что она ъдетъ ко двору
Доложить о всегъ царю.

Городничим я служу;
Верой-правдой исправляю
Эту должность...» — «Знаю, знаю!» —
«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выхода, ни входа.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал,
Так и случилось, царь-надёжа!
И поехал я, — и что же?..
Предо мною конный ряд:
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо коней поглядеть, —
Говорит он, — да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царём стрельцов¹ отряд.

¹ Стрельцы — старинное войско.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура!» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг..
Глаз своих с коней не сводит,
Справа, слева к ним заходит,
Словом ласковым зовёт,
По спине их тихо бьёт,
Треплет шею им крутую,
Гладит гриву золотую,
И, довольно насмотрясь,
Он спросил, оборотясь
К окружавшим: «Эй, ребята!
Чьи такие жеребята?
Кто хозяин?» Тут Иван,
Руки в боки, словно пан,
Из-за братьев выступает
И, надувшись, отвечает:
«Эта пара, царь, моя,
И хозяин — тоже я». —
«Ну, я пару покупаю;
Продаёшь ты?» — «Нет, меняю». —
«Что в промен берёшь добра?» —
«Два-пять шапок серебра» —
«То есть это будет десять».

На коньки все пути пали,
«Ура» царю кричали.

“Эта пара, царь, моя,
хозяинь — тоже я.”

Царь тотчас велѣлъ отвѣснѣть,
И, по милости своей,
Далъ въ прибавокъ пять рублей..

Царь тотчас велел отвесить
И, по милости своей,
Дал в прибавок пять рублей.
Царь-то был великодушный!

Повели коней в конюшни
Десять конюхов седых,
Все в нашивках золотых,
Все с цветными кушаками
И с сафьянными бичами.
Но дорогой, как на смех,
Кони с ног их сбили всех,
Все уздечки разорвали
И к Ивану прибежали.
Царь отправился назад,
Говорит ему: «Ну, брат,
Пара нашим не даётся;
Делать нечего, придётся
Во дворце тебе служить;
Будешь в золоте ходить,
В красно платье¹ наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Всю конюшенну мою
Я в приказ тебе даю²,
Царско слово в том порука.
Что, согласен?» — «Эка штука!
Во дворце я буду жить,
Буду в золоте ходить,
В красно платье наряжаться,
Словно в масле сыр кататься,
Весь конюшенный завод
Царь в приказ мне отдаёт;
То есть я из огорода

¹ Красно платье — нарядное, красивое платье.

² В приказ даю — отдаю под надзор.

И, подъ пѣсню
Кони пляшутъ
А конекъ его-
Такъ и лопитъ
Къ удивленью

пѣсню дурака,
 пляшутъ Трепка;
 кзего-Горбатко
 лопитя въ присядку
 въ ленью людямъ въ пѣмъ.

Стану царский воевода.
Чудно дело! Так и быть,
Стану, царь, тебе служить.
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!»

Тут он кликнул скакунов
И пошёл вдоль по столице,
Сам махая рукавицей,
И под песню дурака
Кони пляшут трепака;
А конёк его — горбатко —
Так и ломится вприсядку,
К удивленью людям всем.

Два же брата между тем
Деньги царски получили,
В опояски их зашили,
Постучали ендовой¹
И отправились домой.
Дома дружно поделились,
Оба враз они женились,
Стали жить да поживать,
Да Ивана поминать.

Но теперь мы их оставим,
Снова сказкой позабавим
Православных христиан,
Что наделал наш Иван,
Находясь на службе царской

¹ Постучали ендовой — выпили. Ендова — сосуд для вина.

Она без разъ они женились,
Стали жить, да поживать,
А Ивана поминать.

При конюшне государской;
Как в суседки¹ он попал,
Как перо своё проспал,
Как хитро поймал Жар-птицу,
Как похитил Царь-девицу,

¹ Суседка — домовая (сибирское название).

Как он ездил за кольцом,
Как был на небе послom,
Как он в Солнцевом селенье
Киту выпросил прощенье;
Как, к числу других затей,
Спас он тридцать кораблей;
Как в котлах он не сварился,
Как красавцем учинился¹;
Словом: наша речь о том,
Как он сделался царём.

¹ Учинился — сделался.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ,
А НЕ СКОРО ДЕЛО ДЕЛАЕТСЯ...**

Какъ на морь-океани
И на островъ Буяни
Новый гробъ въ лѣсу стоитъ,
Въ гробъ дѣвца лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищетъ,
Черный зѣбрь въ дубравѣ рыщетъ....
Этѣ прическазка, а воѣтъ—
Сказка чередомъ поидеѣтъ.

Зачинается рассказ
От Ивановых проказ,
И от сивка, и от бурка,
И от вещего каурка.
Козы на море ушли;
Горы лесом поросли;
Конь с золотой узды срывался,
Прямо к солнцу поднимался;
Лес стоячий под ногой,
Сбоку облак громовой;
Ходит облак и сверкает,
Гром по небу рассыпает.
Это присказка: пожди,
Сказка будет впереди.
Как на море-окияне
И на острове Буяне
Новый гроб в лесу стоит,
В гробе девица лежит;
Соловей над гробом свищет;
Чёрный зверь в дубраве рыщет.
Это присказка, а вот —
Сказка чередом пойдёт.

Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец
Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит
Он о братьях, об отце
В государевом дворце.

Да и что ему до братьев?
У Ивана красных платьев,
Красных шапок, сапогов
Чуть не десять коробов;
Ест он сладко, спит он столько,
Что раздолье, да и только!

Вот неделей через пять
Начал спальник¹ примечать...
Надо молвить, этот спальник
До Ивана был начальник
Над конюшной надо всей,
Из боярских слыл детей;
Так не диво, что он злился
На Ивана и божился
Хоть пропасть, а пришлеца
Потурить вон из дворца.
Но, лукавство сокрывая,
Он для всякого случая
Притворился, плут, глухим,
Близоруким и немым;
Сам же думает: «Постой-ка,
Я те двину, неумойка!»
Так, неделей через пять,
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит²;
Но при всём том два коня

¹ Спальник — царский слуга.

² Школить — учить.

Ражий парень, хоѣ куды!
Волокъ гладкій, съ боку ленты,
На рубашкѣ позументы,
Сапоги, какъ алъ сафьянъ,
Ну, тогмехонько Иванъ.

..... Тотъ спальникъ
А Иванъ былъ натель-
никъ.

А. С.

Словно лишь из-под гребня:
Чисто-начисто обмыты,
Гривы в косы перевиты,
Чёлки собраны в пучок,
Шерсть — ну, лоснится, как шёлк;
В стойлах — свежая пшеница,
Словно тут же и родится,
И в чанах больших сыта¹
Будто только налита.
«Что за притча² тут такая? —
Спальник думает, вздыхая. —

Уж не ходит ли, постой,
К нам проказник домовой?
Дай-ка я подкараулю,
А нешто, так я и пулю,
Не смигнув, умею слить³, —
Лишь бы дурня уходить.
Донесу я в думе царской,
Что конюший государской —
Басурманин⁴, ворожей,
Чернокнижник⁵ и злодей;
Что он с бесом хлеб-соль водит,
В церковь божию не ходит,
Католицкой держит крест
И постами мясо ест».
В тот же вечер этот спальник,

¹ Сыта — вода, подслащённая мёдом.

² Притча — здесь: непонятное дело, странный случай.

³ Пулю слить — налгать, пустить ложный слух.

⁴ Басурманин — иноземец, человек иной веры.

⁵ Чернокнижник — колдун.

Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

Вот и полночь наступила.
У него в груди заныло:
Он ни жив ни мёртв лежит,
Сам молитвы всё творит,
Ждёт суседки... Чу! всам-деле,
Двери глухо заскрыпели,
Кони топнули, и вот
Входит старый коновод.
Дверь задвижкой запирает,
Шапку бережно скидает,
На окно её кладёт
И из шапки той берёт
В три завернутый тряпицы
Царский клад — перо Жар-птицы.
Свет такой тут заблистал,
Что чуть спальник не вскричал,
И от страху так забился,
Что овёс с него свалился.
Но суседке невдомёк!
Он кладёт перо в сусек¹,
Чистить коней начинает,
Умывает, убирает,
Гривы длинные плетёт,
Разны песенки поёт.
А меж тем, свернувшись клубом,
Поколачивая зубом,

¹ Сусек — отгороженное место для хранения овса или другого зерна.

Смотрит спальник, чуть живой,
Что тут дёст домовой.
Что за бес! Нешто нарочно
Прирядился плут полночный:
Нет рогов, ни бороды,
Ражий¹ парень, хоть куды!
Волос гладкий, сбоку ленты,
На рубашке прозументы²,
Сапоги как ал сафьян, —
Ну, точнёхонько Иван.
Что за диво? Смотрит снова
Наш глазей³ на домового...
«Э! так вот что! — наконец
Проворчал себе хитрец. —
Ладно, завтра ж царь узнает,
Что твой глупый ум скрывает.
Подожди лишь только дня,
Будешь помнить ты меня!»
А Иван, совсем не зная,
Что беда ему такая
Угрожает, всё плетёт
Гривы в косы да поёт;
А убрав их, в оба чана
Нацедил сыты медвяной
И насыпал допона
Белоярова пшена.
Тут, зевнув, перо Жар-птицы

¹ Ражий — здоровый, видный, сильный.

² Прозумент (позумент) — золотая или серебряная тесьма, которую нашивали на одежду для украшения.

³ Глазей — человек, подсматривающий за кем-нибудь.

И Иванъ, совѣтъ не зная,
Что ему збѣда такъ
Угрожаетъ, все плететъ
Грибы въ косы, да поетъ!

Завернул опять в тряпицы,
Шапку под ухо — и лёг
У коней близ задних ног.

Только начало зориться¹,
Спальник начал шевелиться,
И, услыша, что Иван
Так храпит, как Еруслан,
Он тихонько вниз слезает
И к Ивану подползает,

¹ Зориться, зазориться — светать, рассветать.

ХВАТЬ ПЕРО — И СЛЕД ПРОСТЫЛ.

Пальцы в шапку запустил,
Хвать перо — и след простыл.

Царь лишь только пробудился,
Спальник наш к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И зашел царю потом:
«Я с повинной головою,

Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить». —
«Говори, не прибавляя, —
Царь сказал ему, зевая, —
Если ж ты да будешь врать,
То кнута не миновать».
Спальник наш, собравшись с силой,
Говорит царю: «Помилуй!
Вот те истинный Христос,
Справедлив мой, царь, донос:
Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не золото, не серебро —
Жароптицево перо...» —
«Жароптицево?.. Проклятый!
И он смел, такой богатый...
Погоди же ты, злодей!
Не минуешь ты плетей!..» —
«Да и то ль ещё он знает! —
Спальник тихо продолжает,
Изогнувшись. — Добро!

Пусть имел бы он перо;
Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Коль приказ изволишь дать,
Похвалается достать».
И доносчик с этим словом,
Скрючась обручем таловым¹,

¹ Таловый — ивовый.

“Говори, не прибавляя,”
Онъ сказалъ ему, зъвая.

А. М.

Онъ смотрѣлъ и дивовался,
Гладилъ бороду, стѣялся...

Ко кровати подошёл,
Подад клад — и снова в пол.

Царь смотрел и дивовался,
Гладил бороду, смеялся
И скусил пера конец.
Тут, уклад его в ларец,
Закричал (от нетерпенья),
Подтвердив своё веленье

«Гей! позвать мне дурака!»

Быстрым взмахом кулака:
«Гей! Позвать мне дурака!»

И посыльные дворяна
Побежали по Ивану,
Но, столкнувшись все в углу,
Растянулись на полу.
Царь тем много любовался
И до колотья смеялся.

И посыльные дворяна
Подъехали по Усана
Но, столкнувшись в узлу,
Растянулись на полу.

А дворяна, усмотря,
Что смешно то для царя,
Меж собой перемигнулись
И вдругорядь¹ растянулись.
Царь тем так доволен был,
Что их шапкой наградил.
Тут посыльные дворяна
Вновь пустились звать Ивана
И на этот уже раз
Обошлись без проказ.

Вот к конюшне прибегают,
Двери настежь отворяют
И ногами дурака
Ну толкать во все бока.
С полчаса над ним возились,
Но его не добудились,
Наконец уж рядовой
Разбудил его метлой.
«Что за челядь² тут такая? —

Говорит Иван, вставая. —
Как хвачу я вас бичом,
Так не станете потом
Без пути будить Ивана!»
Говорят ему дворяна:
«Царь изволил приказать
Нам тебя к нему позвать». —
«Царь?.. Ну ладно! Вот сряжуся

¹ Вдругорядь — в другой раз, снова.

² Челядь — слуги.

Кнут свой сбоку прицепилъ,
Словно утица поплылъ.

И тотчас к нему явлюся», —
Говорит послам Иван.
Тут надел он свой кафтан,
Опояской подвязался,
Приумылся, причесался,
Кнут свой сбоку прицепил,
Словно утица поплыл.

Что за гелрядъ тутъ Такая?"
Говоритъ Иванъ естава:
"Какъ хвата я васъ дигетъ,
"Такъ не станете потомъ
"Безъ пути будитъ Ивана."

Вот Иван к царю явился,
Поклонился, подбодрился,
Крякнул дважды и спросил:
«А пошто меня будил?»
Царь, прищурясь глазом левым,
Закричал ему со гневом,
Приподнявшись: «Молчать!
Ты мне должен отвечать:
В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?
Что я — царь али боярин?
Отвечай сейчас, татарин!»
Тут Иван, махнув рукой,
Говорит царю: «Постой!
Я те шапки, ровно, не дал,
Как же ты о том проведал?
Что ты — ажно¹ ты пророк?
Ну, да что, сади в острог²,
Прикажи сейчас хоть в палки, —
Нет пера, да и шабалки³!..» —
«Отвечай же! Запорю!..» —
«Я те толком говорю:
Нет пера! Да, слышь, откуда
Мне достать такое чудо?»
Царь с кровати тут вскочил
И ларец с пером открыл.

¹ Ажно — разве.

² Острог — тюрьма.

³ Шабалки — шабаш, конец.

—“Отпущай же! Запору!...”
—“А-Те толкомъ говорю!
Нѣтъ пера! А, слышь, откуда
мнѣ достать такое чудо?”

«Что? Ты смел ещё переться?
Да уж нет, не отвертеться!
Это что? А?» Тут Иван,
Задрожав, как лист в буран,
Шапку выронил с испуга.
«Что, приятель, видно, туго? —
Молвил царь. — Постой-ка, брат!...»
«Ох, помилуй, виноват!
Отпусти вину Ивану,
Я вперёд уж врать не стану».
И, закутавшись в полу,
Растянулся на полу.
«Ну, для первого случаю
Я вину тебе прощаю, —
Царь Ивану говорит. —
Я, помилуй бог, сердит!
И с сердец иной порою
Чуб сниму, и с головою.
Так вот, видишь, я каков!
Но, сказать без дальних слов,
Я узнал, что ты Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
Если б вздумал приказать,
Похваляешься достать.
Ну, смотри ж, не отпирайся
И достать её старайся».
Тут Иван волчком вскочил.
«Я того не говорил! —
Закричал он, утираясь.
О пере не запираюсь,

„Этѣ что? А?“ Тутъ Иванъ,
Задрожавъ, какъ листъ въ бурѣ,
Шапку выронилъ съ испуга.
„Что, пріятель, видно туга?“

Но о птице, как ты хошь,
Ты напраслину ведёшь».
Царь, затряси бородою:
«Что! Рядиться¹ мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты недели в три
Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой!
Ты поплатишься со мной:
На правёж — в решётку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

Горбунок его почуя,
Дрягнул было плясовую²;
Но, как слёзы увидал,
Сам чуть-чуть не зарыдал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорил ему конёк,
У его вертятся ног, —
Не утайся предо мною,
Всё скажи, что за душою;
Я помочь тебе готов.
Аль, мой милый, нездоров?
Аль попался к лиходею?»

¹ Рядиться — торговаться, препираться, договариваться.

² Дрягнул плясовую — пустился в пляс, заплясал.

...Иванъ заплакалъ
и пошелъ на сѣновалъ,
Гдѣ конекъ его лежалъ.

Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь велит достать Жар-птицу
В государственную светлицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня:
Помнишь, схав в град-столицу,
Ты нашёл перо Жар-птицы;
Я сказал тебе тогда:
Не бери, Иван, — беда!
Много, много непокою
Принесёт оно с собою.
Вот теперь ты узнал,
Правду ль я тебе сказал.
Но, сказать тебе по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди.
Ты к царю теперь поди
И скажи ему открыто:
Надо, царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».

ПЛАЛ И БАНЪ КЪ КОНАКУ НА ШЕЮ,
ПОНИМАЛЪ И ЦЕЛОВАЛЪ.

Тут Иван к царю идёт,
Говорит ему открыто:
«Надо царь, мне два корыта
Белоярова пшена
Да заморского вина.
Да вели поторопиться:
Завтра, только зазорится,
Мы отправимся в поход».
Царь тотчас приказ даёт,
Чтоб посыльные дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! Хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»
Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял корыта, и пшено,
И заморское вино;
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток —
Доставать тоё Жар-птицу.

Едут целую седмицу.
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой,

ДЫНУЛЪ ХЛѢБА ЛОМОТОКЪ
И ПОБѢХАЛЪ НА ВОСТОКЪ —
ДОСТАВАТЬ ТОЕ ЖАРЪ-ПТИЦУ.

Тут сказал конёк Ивану:
«Ты увидишь здесь поляну;
На поляне той гора,
Вся из чистого сребра;
Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;

Тут и будем их ловить».
И, окончив речь к Ивану,
Выбегает на поляну.
Что за поле! Зелень тут
Словно камень изумруд;
Ветерок над нею веет,
Так вот искорки и сест;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.
А на той ли на поляне,
Словно вал на окяне,
Возвышается гора
Вся из чистого серебра.
Солнце летними лучами
Красит всю её зарями,
В сгибах золотом бежит,
На верхах свечой горит.

Вот конёк по кособору
Поднялся на эту гору,
Вёрсту, другу пробежал
Устоялся и сказал:
«Скоро ночь, Иван, начнётся,
И тебе стеречь придётся.
Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто,
Втихомолку примечай,
Да смотри же, не зевай.
До восхода, слышь, зарницы

Прилетят сюда жар-птицы
И начнут пшено клевать
Да по-своему кричать.
Ты, которая поближе,
И схвати её, смотри же!
А поймашь птицу-жар —
И кричи на весь базар;
Я тотчас к тебе явлюсь». —
«Ну, а если обожгуся? —
Говорит коньку Иван,
Расстилая свой кафтан. —
Рукавички взять придётся,
Чай, плутовка больно жжется».
Тут конёк из глаз исчез,
А Иван, кряхтя, подлез
Под дубовое корыто
И лежит там как убитый.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают;
Стали бегать и кричать
И пшено с вином клевать.
Наш Иван, от них закрытый,
Смотрит птиц из-под корыта
И толкует сам с собой,
Разводя вот так рукой:
«Тьфу ты, дьявольская сила!
Эк их, дряни, привалило!
Чай, их тут с десятков с пять.

“Офу Ты, дьявольская сила!
Эхъ ихъ, ардани, привалило....”

..”

Кабы всех переимать¹ —
То-то было бы поживы!
Неча молвить, страх красивы!
Ножки красные у всех;
А хвосты-то — сущий смех!
Чай, таких у куриц нету;
А уж сколько, парень, свету —
Словно батюшкина печь!»
И, скончав такую речь
Сам с собою, под лазейкой
Наш Иван ужом да змейкой
Ко пшени с вином подполз —
Хвать одну из птиц за хвост.
«Ой! Конечек-горбуночек!

¹ Переимать — переловить.

Прибегай скорей, дружок!
Я ведь птицу-то поймал!» —
Так Иван-дурак кричал.
Горбунок тотчас явился.
«Ай, хозяин, отличился! —
Говорит ему конёк. —
Ну, скорей её в мешок!
Да завязывай туже;
А мешок привесь на шею,
Надо нам в обратный путь». —
«Нет, дай птиц-то мне пугнуть! —
Говорит Иван. — Смотри-ка,
Вишь, надселися от крика!»
И, схвативши свой мешок,
Хлещет вдоль и поперёк.
Ярким пламенем сверкая,
Встрепенулася вся стая,
Кругом огненным свилась
И за тучи понеслась.
А Иван наш вслед за ними
Рукавицами своими
Так и машет и кричит,
Словно щёлоком облит.
Птицы в тучах потерялись;
Наши путники собрались,
Уложили царский клад
И вернулись назад.

АИВАНЪ НАШЪ Е СЛѢДЪ ЗА НИМИ
РУКАВЦАМИ СВОИМИ
ТАКЪ И МАШЕЪ, И КРИЧИТЪ,
СЛОВНО ЩЕЛОКОМЪ ОБЛИТЪ.

Вот приехали в столицу.
«Что, достал ли ты Жар-птицу?» —
Царь Ивану говорит,
Сам на спальника глядит.
А уж тот, нешто от скуки,
Искусал себе все руки.
«Разумеется, достал», —
Наш Иван царю сказал.
«Где ж она?» — «Постой немножко,
Прикажи сперва окошко
В почивальне¹ затворить,
Знашь, чтоб темень сотворить».
Тут дворяна побежали
И окошко затворяли,
Вот Иван мешок на стол.
«Ну-ка, бабушка, пошёл!»
Свет такой тут вдруг разлился,
Что весь двор² рукой закрылся.
Царь кричит на весь базар:
«Ахти, батюшки, пожар!
Эй, решёточных³ сзывайте!
Заливайте! заливайте!» —
«Это, слышь ты, не пожар,
Это свет от птицы-жар, —
Молвил ловчий, сам со смеху
Надрываясь. — Потеху
Я привёз те, осударь!»
Говорит Ивану царь:

¹ Почивальня, опочивальня — спальня.

² Весь двор — все приближённые царя, придворные.

³ Решёточный — пожарный (старинное название).

..... «Метру,
и привозите, охладите!»

«Вот люблю дружка Ванюшу!
Взвеселил мою ты душу,
И на радости такой —
Будь же царский стремянной!¹»

Это видя, хитрый спальник,
Прежний конюших начальник,
Говорит себе под нос:
«Нет, постой, молокосос!
Не всегда тебе случится
Так канальски отличиться,
Я те снова подведу,
Мой дружок, под беду!»

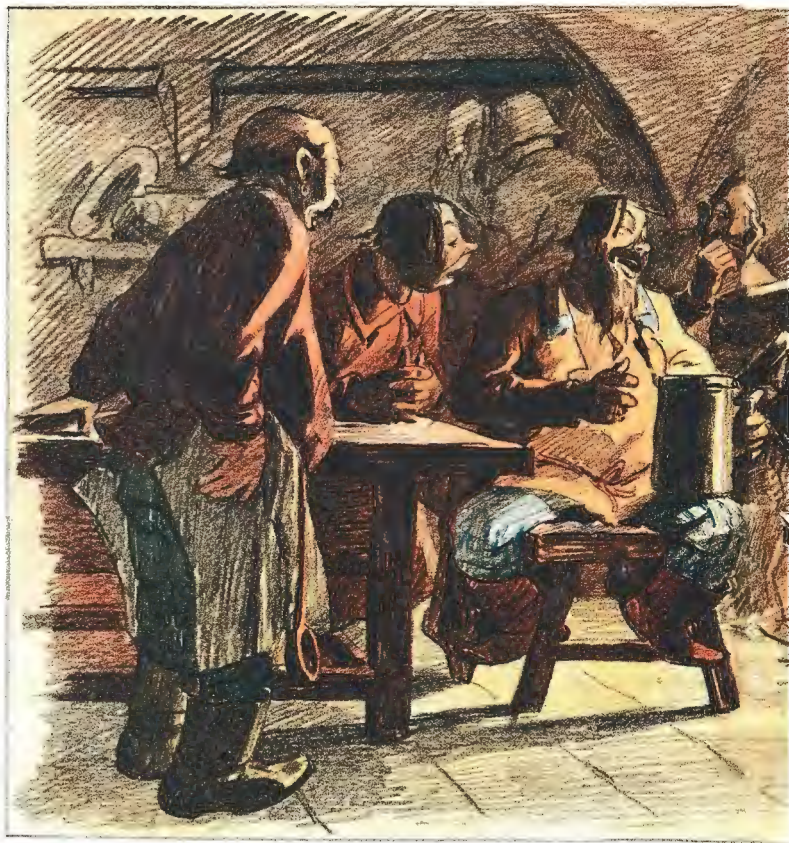
Через три потом недели
Вечерком одним сидели
В царской кухне повара
И служители двора,
Попивали мёд из жбана
Да читали Еруслана².
«Эх! — один слуга сказал, —
Как севодни я достал
От соседа чудо-книжку!
В ней страниц не так чтоб слишком,
Да и сказок только пять,
А уж сказки — вам сказать,
Так не можно надивиться;
Надо ж этак умудриться!»

¹ Стремянной — слуга, ухаживающий за верховой лошастью господина.

² Еруслан — один из героев русских народных сказок, могучий богатырь.

“**Вот**, люблю дружка-Ванюшу!
Взвеселилз мою Ты душу,
И, на радости Такой,
Будь же царскій стреляннoй!”

Через три потомъ недѣли,
 Вчёркомъ однимъ сидѣли
 В царской кухнѣ повара

И служители двора;
 Попытали медъ и мѣзъ
 Да читали Ерусалимо

Вопы;
 и из мѡака
 ахал.

Тут все в голос: «Удружи!
Расскажи, брат, расскажи!» —
«Ну, какую ж вы хотите?
Пять ведь сказок; вот смотрите:
Перва сказка о бобре,
А вторая о царе,
Третья... дай бог память... точно!
О боярыне восточной;
Вот в четвёртой: князь Бобыл;
В пятой... в пятой... эх, забыл!
В пятой сказке говорится...
Так в уме вот и вертится...» —
«Ну, да брось её!» — «Постой!..» —
«О красотке, что ль, какой?» —
«Точно! В пятой говорится
О прекрасной Царь-девице.
Ну, которую ж, друзья,
Расскажу сегодня я?» —
«Царь-девицу! — все кричали. —
О царях мы уж слышали,
Нам красоток-то скорей!
Их и слушать веселей».
И слуга, усевшись важно,
Стал рассказывать протяжно:
«У далёких немских стран¹
Есть, ребята, окиян.
По тому ли окияну
Ездят только басурманы;
С православной же земли

¹ Немские страны — иноземные страны.

Не бывали николи
Ни дворяне, ни миряне
На поганом окияне.
От гостей же слух идёт,
Что девица там живёт;
Но девица не простая,
Дочь, вишь, Месяцу родная,
Да и Солнышко ей брат.
Та девица, говорят,
Ездит в красном полушубке,
В золотой, ребята, шляпке
И серебряным веслом
Самолично правит в нём;
Разны песни попевает
И на гусельцах играет...»

Спальник тут с полатей скок —
И со всех обеих ног
Во дворец к царю пустился
И как раз к нему явился,
Стукнул крепко об пол лбом
И запел царю потом:
«Я с повинной головою,
Царь, явился пред тобою,
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!» —
«Говори, да правду только,
И не ври, смотри, нисколько!» —
Царь с кровати закричал.
Хитрый спальник отвечал:
«Мы сегодня в кухне были

Л. А. Жу

Спалдникъ тулъ съ полаетей скокъ,
Не щадя боярскихъ ногъ,
Во дворецъ къ царю пустился....

За твоё здоровье пили,
А один из дворских слуг
Нас забавил сказкой вслух;
В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-девице.
Вот твой царский стремянной
Поклялся своей брадой,
Что он знает эту птицу —
Так он назвал Царь-девицу, —
И её, изволишь знать,
Похваляется достать».
Спальник стукнул об пол снова.
«Гей, позвать мне стремяннова!» —
Царь посыльным закричал.
Спальник тут за печку стал;
А посыльные дворяна
Побежали по Ивану;
В крепком сне его нашли
И в рубашке привели.
Царь так начал речь: «Послушай,
На тебя донос, Ванюша.
Говорят, что вот сейчас
Похвалялся ты для нас
Отыскать другую птицу,
Сиречь¹ молвить, Царь-девицу...» —
«Что ты, что ты, бог с тобой! —
Начал царский стремянной. —
Чай, спросонков, я толкую,
Штуку выкинул такую.

¹ Сиречь — то есть, именно.

И так начал рече: «Послушай,
«Матей доносъ, Ванюша».
«Воврайтъ, что въ сѣнцахъ»

88 **Π**ορβαλασα τοι δια μαλε
 89 **Ο**τσκιατ αρρεμε πινυ—
 90 **Ε**ιρπυ μολβιτ, Царь-дубицу:....

Да хитри себе, как хошь,
А меня не проведёшь».
Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри,
Если ты недели в три
Не достанешь Царь-девицу
В нашу царскую светлицу,
То клянуся бородой,
Ты поплатишься со мной:
На правёж — в решётку — на кол!
Вон, холоп!» Иван заплакал
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.

«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк. —
Аль, мой милый, занемог?
Аль попался к лиходею?»
Пал Иван коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь велит в свою светлицу
Мне достать, слышь, Царь-девицу.
Что мне делать, горбунок?»
Говорит ему конёк:
«Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня.

..... „Ну, смотри,
„Если ты не ~~д~~ал ~~к~~ три
„Не добавишь ~~ш~~арь-добвицу
„Из нашу царскую съб~~т~~лицу,
„То, клянуся бородой,
„Ты расплатишься со мной...”

Но, сказать тебе по дружбе,
Это службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты к царю теперь поди
И скажи: „Ведь для поимки
Надо, царь, мне две ширинки¹,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья“.

Вот Иван к царю идёт
И такую речь ведёт:
«Для царевниной поимки
Надо, царь, мне две ширинки,
Шитый золотом шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья». —
«Вот давно бы так, чем нет», —
Царь с кровати дал ответ
И велел, чтобы дворяна
Всё сыскали для Ивана,
Молодцом его назвал
И «счастливый путь!» сказал.

На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Гей! Хозяин! полно спать!
Время дело исправлять!»

¹ Ширинка — широкое, во всю ширину ткани, полотенце.

А для царевниной
поимки
Мать, царь, мнѣ двѣ ширинки,
Шитья золотомъ шатеръ,
Да обѣденный приборъ.....

Вот Иванушка поднялся,
В путь-дорожку собирался,
Взял ширинки и шатёр
Да обеденный прибор —
Весь заморского варенья —
И сластей для прохлажденья;
Всё в мешок дорожный склал
И верёвкой завязал,
Потеплесе приоделся,
На коньке своём уселся,
Вынул хлеба ломоток
И поехал на восток
По тоё ли Царь-девицу.

Едут целую седмицу;
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.
Тут сказал конёк Ивану:
«Вот дорога к окияну,
И на нём-то круглый год
Та красавица живёт;
Два раза она лишь сходит
С окияна и приводит
Долгий день на землю к нам.
Вот увидишь завтра сам».

И, окончив речь к Ивану,
Выбегает к окяну,
На котором белый вал
Одинёшенек гулял.
Тут Иван с конька слезает,
А конёк ему вещает:
«Ну, раскидывай шатёр,
На ширинку ставь прибор
Из заморского варенья
И сластей для прохлажденья.
Сам ложися за шатром
Да смекай себе умом.
Видишь, шлюпка вон мелькает.
То царевна подплывает.
Пусть в шатёр она войдёт,
Пусть покушает, попьёт;
Вот, как в гусли заиграет —
Знай, уж время наступает.
Ты тотчас в шатёр вбегай,
Ту царевну сохватай,
И держи её сильнее,
Да зови меня скорее.
Я на первый твой приказ
Прибегу к тебе как раз,
И поедем... Да смотри же,

Ты гляди за ней поближе,
Если ж ты её проспишь,
Так беды не избежишь». .
Тут конёк из глаз сокрылся,
За шатёр Иван забился
И давай дыру вертеть,
Чтоб царевну подсмотреть.

Ясный полдень наступает;
Царь-девица подплывает,
Входит с гуслями в шатёр
И садится за прибор.
«Хм! Так вот та Царь-девица!
Как же в сказках говорится, —
Рассуждает стремянной, —
Что куда красна собой
Царь-девица, так что диво!
Эта вовсе не красива:
И бледна-то, и тонка,
Чай, в обхват-то три вершка;
А ножонка-то, ножонка!
ТЬфу ты! Словно у цыплёнка!
Пусть полюбится кому,
Я и даром не возьму». .
Тут царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иван, не зная как,
Прикорнулся на кулак;

За шатеръ Иванъ забнася
И давай дыру вертѣть,
Чтобъ царевну подсмотрѣть.

И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.
Запад тихо догорает.....

И под голос тихий, стройный
Засыпает преспокойно.

Запад тихо догорал.
Вдруг конёк над ним заржал
И, толкнув его копытом,
Крикнул голосом сердитым:
«Спи, любезный, до звезды!
Высыпай себе беды!
Не меня ведь вздёрнут на кол!»
Тут Иванушка заплакал
И, рыдая, просил,
Чтоб конёк его простил.
«Отпусти вино Ивану,

Я вперёд уж спать не стану». —
«Ну, уж бог тебя простит! —
Горбунок ему кричит. —
Всё поправим, может статься,
Только, чур, не засыпаться;
Завтра, рано поутру,
К златошвейному шатру
Приплывёт опять девица —
Мёду сладкого напиток.
Если ж снова ты заснёшь,
Головы уж не снесёшь».
Тут конёк опять сокрылся;
А Иван собирать пустился
Острых камней и гвоздей
От разбитых кораблей
Для того, чтоб уколотся,
Если вновь ему вздремнётся.

На другой день, поутру,
К златошвейному шатру
Царь-девица подплывает,
Шлюпку на берег бросает,
Входит с гусями в шатёр
И садится за прибор...
Вот царевна заиграла
И столь сладко припевала,
Что Иванушке опять
Захотелось поспать.
«Нет, постой же ты, дрянная! —
Говорит Иван, вставая. —
Ты вдругорядь не уйдёшь

И меня не проведёшь».
Тут в шатёр Иван вбегает,
Косу длинную хватает...
«Ой, беги, конёк, беги!
Горбунок мой, помоги!»
Вмиг конёк к нему явился.
«Ах, хозяин, отличился!
Ну, садись же поскорей!
Да держи её плотней!»

Вот столицы достигает.
Царь к царевне выбегает.

„Ну, садись-же поскорѣй,
А держи ее плотнѣй!”

За белы руки берѣт,
Во дворец её ведѣт
И садит за стол дубовый
И под занавес шёлковый,
В глазки с нежностью глядит,
Сладки речи говорит:
«Бесподобная девица!
Согласися быть царица!
Я тебя едва узрел¹ —
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи

¹ Узрел — увидел; узреть — увидеть.

Здесь же царевич тайно ждёт,
 Руки брала берёт,
 Но добровольно её берёт.....

Не дадут мне спать средь ночи
 И во время бела дня,
 Ох, измучают меня.
 Молви ласковое слово!
 Всё для свадьбы уж готово;
 Завтра ж утром, светик мой,
 Обвенчаемся с тобой
 И начнём жить припевая».
 А царевна молодая,
 Ничего не говоря,
 Отвернулась от царя.
 Царь нисколько не сердился,
 Но сильнее ещё влюбился;
 На колен пред нею стал,

На колѣнахъ преръ мою
всталъ,
ручки нежно пожималъ,
и балясы началъ снова...
«Хенекъ-Поріунокъ»¹ говорилъ.

Ручки нежно пожимал
И балясы¹ началъ снова:
«Молви ласковое слово!
Чем тебя я огорчил?»

¹ Балясы — пустые разговоры, болтовня.

Али тем, что полюбил?
О, судьба моя плачевна!»
Говорит ему царевна:
«Если хочешь взять меня,
То доставь ты мне в три дня
Перстень мой из окияна!» —
«Гей! Позвать ко мне Ивана!» —
Царь поспешно закричал
И чуть сам не побежал.

Вот Иван к царю явился,
Царь к нему оборотился
И сказал ему: «Иван!
Поезжай на окиян;
В окияне том хранится
Перстень, слышь ты, Царь-девицы.
Коль достанешь мне его,
Задарю тебя всего». —
«Я и с первой-то дороги
Волочу насилу ноги —
Ты опять на окиян!» —
Говорит царю Иван.
«Как же, плут, не торопиться:
Видишь, я хочу жениться! —
Царь со гневом закричал
И ногами застучал. —
У меня не отпирайся,
А скорее отправляйся!»
Тут Иван хотел идти.
«Эй, послушай! По пути, —
Говорит ему царица, —

Засезжай ты поклониться
В изумрудный терем мой
Да скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик¹ свой ясный от меня?
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?
Не забудь же!» — «Помнить буду,
Если только не забуду;
Да ведь надо же узнать,
Кто те братец, кто те мать,
Чтоб в родне-то нам не сбиться».
Говорит ему царица:
«Месяц — мать мне. Солнце — брат».
«Да смотри, в три дня назад!» —
Царь-жених к тому прибавил.
Тут Иван царя оставил
И пошёл на сеновал,
Где конёк его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил?» —
Говорит ему конёк.
«Помоги мне, горбунок!
Видишь, вздумал царь жениться,
Знашь, на тоненькой царице,

¹ Лик — лицо.

Так и шлёт на окиян, —
Говорит коньку Иван, —
Дал мне сроку три дня только;
Тут попробовать изволь-ка
Перстень дьявольский достать!
Да велела заезжать
Эта тонкая царица
Где-то в терем поклониться
Солнцу, Месяцу, притом
И спрошать кое об чём...»
Тут конёк: «Сказать по дружбе,
Это — службишка, не служба;
Служба всё, брат, впереди!
Ты теперь спать поди;
А завтра, утром рано,
Мы поедем к окияну».

На другой день наш Иван
Взяв три луковки в карман,
Потеплее приоделся,
На коньке своём уселся
И поехал в дальний путь...
Дайте, братцы, отдохнуть!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Доселева Макар
огороды копал,
а нынече Макар
в воєводы попал

иди́тъ боро́нъ на руду́,
о́нъ играе́тъ во Тру́ду;
о́нъ во Тру́душкѣ играе́тъ,
Правосла́вныѣхъ поѣ́шаетъ....

THE INK

Та-ра-ра-ли, та-ра-ра!
Вышли кони со двора;
Вот крестьяне их поймали
Да покрепче привязали.
Сидит ворон на дубу,
Он играет во трубу;
Как во трубушку играет,
Православных потешает:
«Эй! Послушай, люд честной!
Жили-были муж с женой;
Муж-то примется за шутки,
А жена за прибаутки,
И пойдёт у них тут пир,
Что на весь крещёный мир!»
Это присказка ведётся,
Сказка послее начнётся.
Как у наших у ворот
Муха песенку поёт:
«Что дадите мне за вестку?
Бьёт свекровь свою невестку:
Посадила на шесток,
Привязала за шнурок,
Ручки к ножкам притянула,
Ножку правую разула:
„Не ходи ты по зарям!

Не кажися молодцам!“
Это присказка велася,
Вот и сказка началась.

Ну-с, так едет наш Иван
За кольцом на окиян.
Горбунок летит как ветер.
И в почин на первый вечер
Вёрст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

Подъезжая к окияну,
Говорит конёк Ивану:
«Ну, Иванушка, смотри,
Вот минутки через три
Мы приедем на поляну —
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит;
Десять лет уж он страдает,
А доселева не знает,
Чем прощенье получить:
Он начнёт тебя просить,
Чтоб ты в Солнцевом селенье
Попросил ему прощенье;
Ты исполнить обещаи,

Да, смотри, не забывай!»
Вот въезжает на поляну
Прямо к морю-окияну;
Поперёк его лежит
Чудо-юдо Рыба-кит.
Все бока его изрыты.
Частоколы в рёбра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит;
Мужички на губе пашут,
Между глаз мальчишки пляшут,
А в дубраве, меж усов,
Ищут девушки грибов.

Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так проезжим говорит,
Рот широкий отворяя,
Тяжко, горько воздыхая:
«Путь-дорога, господа!
Вы откуда и куда?» —
«Мы послы от Царь-девицы,
Едем оба из столицы, —
Говорит ему конёк, —
К Солнцу прямо на восток,
Во хоромы золотые». —
«Так нельзя ль, отцы родные,
Вам у Солнышка спросить:
Долго ль мне в опале¹ быть,

¹ Опала — немилость царя, наказание.

а хвостъ сурь-бортъ шумитъ,
 На спинѣ село стѣитъ...

И за кои прегрешенья
Я терплю беды-мученья?» —
«Ладно, ладно, Рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
«Будь отец мне милосердный!
Вишь, как мучуся я, бедный!
Десять лет уж тут лежу...
Я и сам те услужу!..» —
Кит Ивана умоляет,
Сам же горько вздыхает.
«Ладно. Ладно, Рыба-кит!» —
Наш Иван ему кричит.
Тут конёк под ним забился,
Прыг на берег и пустился:
Только видно, как песок
Вьётся вихорем у ног.

Едут близко ли, далёко,
Едут низко ли, высоко
И увидели ль кого —
Я не знаю ничего.
Скоро сказка говорится,
Дело мешкотно¹ творится.
Только, братцы, я узнал,
Что конёк туда вбежал,
Где (я слышал стороною)
Небо сходится с землею,
Где крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут.

¹ Мешкотно — медленно.

Только, братцы, я узналъ,
Что конекъ туда сбѣжалъ,
Гдѣ (я слышалъ стороною)
Небо сходится съ землею,
Гдѣ крестьянки ленъ прядутъ,
Прялки на небо кладутъ.

Тут Иван с землёй простился
И на небе очутился,
И поехал, будто князь,
Шапка набок, подбодрясь.
«Эко диво! Эко диво!
Наше царство хоть красиво, —
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян, —
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. Ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая, —
А уж светлая какая!..
Посмотри-ка, горбунок,

Видишь, вон где, на восток,
Словно светится зарница...
Чай, небесная светлица...
Что-то больно высока!» —
Так спросил Иван конька.
«Это терем Царь-девицы,
Нашей будущей царицы, —
Горбунок ему кричит, —
По ночам здесь Солнце спит,
А полуденной порою
Месяц входит для покою».

Подъезжают; у ворот
Из столбов хрустальный свод:
Все столбы те завитые
Хитро в змейки золотые;
На верхушках три звезды,
Вокруг терема сады;
На серебряных там ветках,
В раззолоченных во клетках
Птицы райские живут,
Песни царские поют.
А ведь терем с теремами
Будто город с деревнями;
А на тереме из звезд —
Православный русский крест.

Вот конёк во двор въезжает;
Наш Иван с него слезает,
В терем к Месяцу идёт
И такую речь ведёт:

Зарпестуй, Мьяцз Мьяцзент
Я-Иванушка Петрович...

речу!

«Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я — Иванушка Петрович,
Из далёких я сторон
И привёз тебе поклон». —

«Сядь, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
И поведай мне вину¹
В нашу светлую страну
Твоего с земли прихода;
Из какого ты народа,
Как попал ты в этот край, —
Всё скажи мне, не утай». —
«Я с земли пришёл Землянской,
Из страны ведь христианской, —
Говорит, садясь, Иван, —
Переехал окиян
С порученьем от царицы —
В светлый терем поклониться
И сказать вот так, постой!
„Ты скажи моей родной:
Дочь её узнать желает,
Для чего она скрывает
По три ночи, по три дня
Лик какой-то от меня;
И зачем мой братец красный
Завернулся в мрак ненастный
И в туманной вышине
Не пошлёт луча ко мне?“
Так, кажися? Мастерница
Говорить красно царица;
Не припомнишь всё сполна,
Что сказала мне она». —

¹ Вина — здесь: причина.

«А какая то царица?»
«Это, знаешь, Царь-девица». —
«Царь-девица?.. Так она,
Что ль, тобой увезена?» —
Вскрикнул Месяц Месяцovich.
А Иванушка Петрович
Говорит: «Известно, мной!
Вишь, я царский стремянной;
Ну, так царь меня отправил,
Чтобы я её доставил
В три недели во дворец;
А не то меня отец
Посадить грозился на кол». —
Месяц с радости заплакал,
Ну Ивана обнимать,
Целовать и миловать.

«Ах, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
Ты принёс такую весть,
Что не знаю, чем и счесть!
А уж как мы горевали,
Что царевну потеряли!..
Оттого-то, видишь, я
По три ночи, по три дня
В тёмном облаке ходила,
Всё грустила да грустила,
Трое суток не спала,
Крошки хлеба не брала,
Оттого-то сын мой красный
Завернулся в мрак ненастный,

— «Царь-девица...»
 Этой тою же
 Декликула...
 А Иванушка Петрович
 Бородин: извещенно
 Били, а царский от
 «Конец-то»

«...Так она
 важна?»
 «Важно Мисаузенго.
 Испросят
 именно мной!
 или старательной...»
 «Мисаузенго?» «Едаюва»

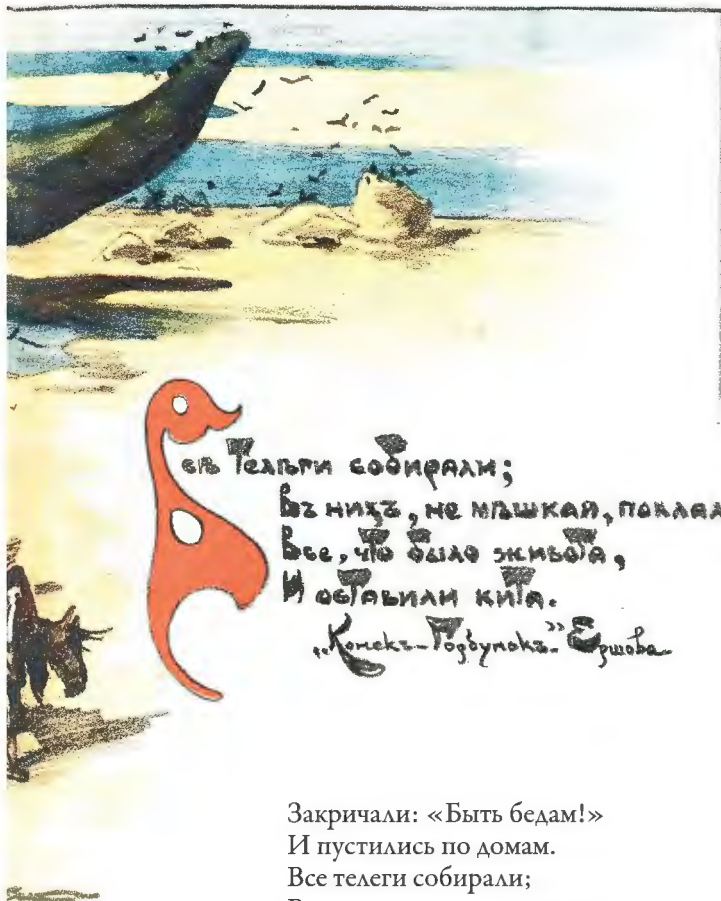
Луч свой жаркий погасил,
Миру божью не светил:
Всё грустил, вишь, по сестрице,
Той ли красной Царь-девице.
Что, здорова ли она?
Не грустна ли, не больна?» —
«Всем бы, кажется, красotka,
Да у ней, кажись, сухотка:
Ну, как спичка, слышь, тонка,
Чай в обхват-то три вершка;
Вот как замуж-то поспеет,
Так небось и потолстеет:
Царь, слышь, женится на ней».
Месяц вскрикнул: «Ах, злодей!
Вздумал в семьдесят жениться
На молоденькой девице!
Да стою я крепко в том —
Просидит он женихом!
Вишь, что старый хрен затеял:
Хочет жать там, где не сеял!
Полно, лаком больно стал!»
Тут Иван опять сказал:
«Есть ещё к тебе прошение,
То о китовом прощении...
Есть, вишь, море; чудо-кит
Поперёк его лежит:
Все бока его изрыты,
Частоколы в рёбра вбиты...
Он, бедняк, меня прошал¹,

¹ Прошал — просил.

Чтобы я тебя спросал:
Скоро ль кончится мученье?
Чем сыскать ему прощенье?
И на что он тут лежит?»
Месяц ясный говорит:
«Он за то несёт мученье,
Что без божия веленья
Проглотил среди морей
Три десятка кораблей.
Если даст он им свободу,
Снимет бог с него невзгуду.
Вмиг все раны заживит,
Долгим веком наградит».
Тут Иванушка поднялся,
С светлым Месяцем прощался,
Крепко шею обнимал,
Трижды в щёки целовал.
«Ну, Иванушка Петрович! —
Молвил Месяц Месяцovich. —
Благодарствую тебя
За сынка и за себя.
Отнеси благословенье
Нашей дочке в утешенье
И скажи моей родной:
„Мать твоя всегда с тобой;
Полно плакать и крушиться:
Скоро грусть твоя решится, —
И не старый, с бородой,
А красавец молодой
Поведёт тебя к наложу“.

Ну, прощай же! Бог с тобою!»
Поклонившись, как умел,
На конька Иван тут сел,
Свистнул, будто витязь знатный,
И пустился в путь обратный.
На другой день наш Иван
Вновь пришёл на окиян.
Вот конёк бежит по киту,
По костям стучит копытом.
Чудо-юдо Рыба-кит
Так, вздохнувши, говорит:
«Что, отцы, моё прощенье?
Получу ль когда прощенье?» —
«Погоди ты, Рыба-кит!» —
Тут конёк ему кричит.
Вот в село он прибегает,
Мужичков к себе сзывает,
Чёрной гривкою трясёт
И такую речь ведёт:
«Эй, послушайте, миряне,
Православны христиане!
Коль не хочет кто из вас
К водяному сесть в приказ,
Убирайся вмиг отсюда.
Здесь тотчас случится чудо:
Море сильно закипит,
Повернётся Рыба-кит...»
Тут крестьяне и миряне,
Православны христиане,

съ Телѣги собирали;
Въ нихъ, не мешкая, поклали
Все, что было живота,
И оставили кита.

„Конекъ-Горбунекъ.“ Ерусова

Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали;
В них, не мешкая, поклали
Всё, что было живота,
И оставили кита.

Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шёл Мамай войной!
Тут конёк на хвост вбегает,
К перьям близко прилетает
И что мочи есть кричит:
«Чудо-юдо Рыба-кит!
Оттого твои мученья,
Что без божия вленья
Проглотил ты средь морей
Три десятка кораблей.
Если дашь ты им свободу,
Снимет бог с тебя невзгоду,
Вмиг все раны заживит,
Веком долгим наградит».
И окончив речь такую,
Закусил узду стальную,
Понатужился — и вмиг
На далёкий берег прыг.
Чудо-кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать
И из челюстей бросать
Корабли за кораблями
С парусами и гребцами.
Тут поднялся шум такой,
Что проснулся царь морской:
В пушки медные палили,
В трубы кованы трубили;

Чупо-ки? зашевелился,
 Словно холмъ повороѣлся,
 Началъ море волновать
 И изъ челястей дрочать
 Корабли за кораблями,
 Съ парусами и трѣбцами.
 „Конекъ-Горбунекъ,“ Ершовъ.

Белый парус поднялся,
Флаг на мачте развился;
Поп с причетом всем служебным
Пел на палубе молебны;
А гребцов весёлый ряд
Грянул песню наподхват:
«Как по моречку, по морю,
По широкому раздолью,
Что по самый край земли,
Выбегают корабли...»
Волны моря закрубились,
Корабли из глаз сокрылись.
Чудо-юдо Рыба-кит
Громким голосом кричит,
Рот широкий отворяя,
Плёсом¹ волны разбивая:
«Чем вам, други, услужить?
Чем за службу наградить?
Надо ль раковин цветистых?
Надо ль рыбок золотистых?
Надо ль крупных жемчугов?
Всё достать для вас готов!» —
«Нет, кит-рыба, нам в награду
Ничего того не надо, —
Говорит ему Иван, —
Лучше перстень нам достань, —
Перстень, знаешь. Царь-девицы,
Нашей будущей царицы». —
«Ладно, ладно! Для дружка

¹ Плёс — рыбий хвост.

И серёжку из ушка!
Отыщу я до зарницы
Перстень красной Царь-девицы», —
Кит Ивану отвечал
И, как ключ, на дно упал.
Вот он плёсом ударяет,
Громким голосом сзывает
Осетриный весь народ
И такую речь ведёт:
«Вы достаньте до зарницы
Перстень красной Царь-девицы,
Скрытый в ящичке на дне.
Кто его доставит мне,
Награжу того я чином:
Будет думным дворянином.
Если ж умный мой приказ
Не исполните... я вас!..»
Осетры тут поклонились
И в порядке удалились.
Через несколько часов
Двое белых осетров
К киту медленно подплыли
И смиренно говорили:
«Царь великий! Не гневись!
Мы всё море уж, кажись,
Исходили и изрыли,
Но и знаку не открыли.
Только Ёрш один из нас
Совершил бы твой приказ:
Он по всем морям гуляет,

Так уж, верно, перстень знает;
Но его, как бы назло,
Уж куда-то унесло».
«Отыскать его в минуту
И послать в мою каюту!» —
Кит сердито закричал
И усами закачал.
Осетры тут поклонились,
В земский суд бежать пустились
И велели в тот же час
От кита писать указ,
Чтоб гонцов скорей послали
И Ерша того поймали.
Лещ, услыша сей приказ,
Именной писал указ;
Сом (советником он звался)
Под указом подписался;
Чёрный рак указ сложил
И печати приложил.
Двух дельфинов тут призвали
И, отдав указ, сказали,
Чтоб от имени царя
Обежали все моря
И того Ерша-гуляку,
Крикуна и забияку,
Где бы ни было нашли,
К государю привели.
Тут дельфины поклонились
И Ерша искать пустились.
Ищут час они в морях,

ПУТЬ дельфины поклонились
 И ерша искать пустились.
 „Комекс-Горбункс.“ Ерушова.

Ищут час они в реках,
Все озёра исходили,
Все проливы переплыли,
Не могли Ёрша сыскать
И вернулись назад,
Чуть не плача от печали...
Вдруг дельфины услыхали,
Где-то в маленьком пруде
Крик неслышанный в воде.
В пруд дельфины завернули
И на дно его нырнули, —
Глядь: в пруде, под камышом,
Ёрш дерётся с Карасём.
«Смирно! Черти б вас побрали!
Вишь, содом какой подняли,
Словно важные бойцы!» —
Закричали им гонцы.
«Ну, а вам какое дело? —
Ёрш кричит дельфинам смело. —
Я шутить ведь не люблю,
Разом всех переколю!» —
«Ох ты, вечная гуляка,
И крикун, и забияка!
Всё бы, дрянь, тебе гулять,
Всё бы драться да кричать.
Дома — нет ведь, не сидится!..
Ну, да что с тобой рядиться, —
Вот тебе царёв указ,
Чтоб ты плыл к нему тотчас».
Тут проказника дельфины

Л
 лалъ: въ прудѣ, подъ камышемъ,
 Ершъ дерется съ карасемъ.
 „Котикъ-Горбунокъ.“ Ершова.

Подхватили под щетины
И отправились назад.
Ёрш ну рваться и кричать:
«Будьте милостивы, братцы!
Дайте чуточку подрасться.
Распроклятый тот Карась
Поносил меня вчера
При честном при всём собрании
Неподобной разной бранью...»
Долго Ёрш ещё кричал,
Наконец и замолчал;
А проказника дельфины
Всё тащили за щетины,
Ничего не говоря,
И явились пред царя.
«Что ты долго не являлся?
Где ты, вражий сын, шатался?» —
Кит со гневом закричал.
На колени Ёрш упал,
И, признавшись в преступленье,
Он молился о прощенье.
«Ну, уж бог тебя простит! —
Кит державный говорит. —
Но за то твоё прощенье
Ты исполни повеленье».
«Рад стараться, Чудо-кит!» —
На коленях Ёрш пищит.
«Ты по всем морям гуляешь,

Так уж, верно, перстень знаешь
Царь-девицы?» — «Как не знать!
Можем разом отыскать». —
«Так ступай же поскорее
Да сыщи его живее!»
Тут, отдав царю поклон,
Ёрш пошёл, согнувшись, вон.
С царской дворней побранился,
За плотвой поволочился
И салакушкам шести
Нос разбил он на пути.
Совершив такое дело
В омут кинулся он смело
И в подводной глубине
Вырыл ящичек на дне —
Пуд по крайней мере во сто.
«О, здесь дело-то не просто!»
И давай из всех морей
Ёрш скликать к себе сельдей.
Сельди духом собралися,
Сундучок тащить взялися,
Только слышно и всего —
«У-у-у!» да «О-о-о!».
Но сколь сильно ни кричали,
Животы лишь надорвали,
А проклятый сундучок
Не дался и на вершок.
«Настоящие селёдки!

Вам кнута бы вместо водки!» —
Крикнул Ёрш со всех сердец
И нырнул по осетров.
Осетры тут приплывают
И без крика поднимают
Крепко вязнувший в песок
С перстнем красный сундучок.
«Ну, ребяташки, смотрите,
Вы к царю теперь плывите,
Я ж пойду теперь ко дну
Да немножко отдохну:
Что-то сон одолевает,
Так глаза вот и смыкает...»
Осетры к царю плывут,
Ёрш-гуляка прямо в пруд
(Из которого дельфины
Утащили за щетины).
Чай, додраться с Карасём, —
Я не ведаю о том.
Но теперь мы с ним простимся
И к Ивану возвратимся.
Тихо море-окиян.
На песке сидит Иван,
Ждёт кита из синя моря
И мурлыкает от горя;
Повалившись на песок,
Дремлет верный горбунок,
Время к вечеру клонилось;
Вот уж солнышко спустилось;
Тихим пламенем горя,

сѣтры кѣ царю павѣуѣ.
 Бршз-гуляка прѣмо вѣ прудѣ..
 «Кенекъ-Пѣдѣнокъ» Бршзѣ.

Тихо море-океанъ.
 На песокъ сидитъ Иванъ.
 „Конекъ-Горбунекъ.“

...
"Скучно."

Развернулася заря.
А кита не тут-то было.
«Чтоб те, вора, задавило!
Вишь, какой морской шайтан! —
Говорит себе Иван. —
Обещался до зарницы
Вынести перстень Царь-девицы,
А доселе не сыскал,
Окаянный зубоскал!
А уж солнышко-то село,
И...» Тут море закипело:
Появился чудо-кит
И к Ивану говорит:
«За твоё благодаянье
Я исполнил обещанье».
С этим словом сундучок
Брякнул плотно на песок,
Только берег закачался.
«Ну, теперь я расквитался.
Если ж вновь принужусь¹ я,
Позови опять меня;
Твоего благодаянья
Не забыть мне... До свиданья!»
Тут Кит-чудо замолчал
И, всплеснув, на дно упал.
Горбунок-конёк проснулся,
Встал на лапки, отряхнулся,
На Иванушку взглянул
И четырежды прыгнул.

¹ Принужусь — понадоблюсь.

«Ай да Кит Китович! Славно!
Долг свой выполнил исправно!
Ну, спасибо, Рыба-кит! —
Горбунок-конёк кричит. —
Что ж, хозяин, одевайся,
В путь-дорожку отправляйся;
Три денька ведь уж прошло:
Завтра срочное число¹,
Чай, старик уж умирает». —
Тут Ванюша отвечает:
«Рад бы радостью поднять;
Да ведь силы не занять!
Сундучишко больно плотен,
Чай, чертей в него пять сотен
Кит проклятый насажал.
Я уж трижды подымал:
Тяжесть страшная такая!» —
Тут конёк, не отвечая,
Поднял ящичек ногой,
Будто камышек какой,
И взмахнул к себе на шею.
«Ну, Иван, садись скорее!
Помни, завтра минет срок,
А обратный путь далёк». —
Стал четвёртый день зориться,
Наш Иван уже в столице.
Царь с крыльца к нему бежит, —
«Что кольцо моё?» — кричит.
Тут Иван с конька слезает

¹ Срочное число — срок.

Затем
начался
бурный

Тас блаторъанас
 А исповниаъ обѣщанас ."
 Съ этимъ слобомъ сундучокъ
 Брякнуаъ плавно на песокъ
 „Хонакъ-Горбунокъ." Едршова.

И преважно отвечает:
«Вот тебе и сундучок!
Да вели-ка скликать полк:
Сундучишко мал хоть на вид,
Да и дьявола задавит».
Царь тотчас стрельцов позвал
И немедля приказал
Сундучок отнесть в светлицу.
Сам пошёл по Царь-девицу.
«Перстень твой, душа, найден, —
Сладкогласно молвил он, —
И теперь, примолвить снова,
Нет препятства никакого
Завтра утром, светик мой,
Обвенчаться мне с тобой.
Но не хочешь ли, дружок,
Свой увидеть перстенёчек?
Он в дворце моём лежит».
Царь-девица говорит:
«Знаю, знаю! Но, признаться,
Нам нельзя ещё венчаться». —
«Отчего же, светик мой?
Я люблю тебя душой,
Мне, прости ты мою смелость,
Страх жениться захотелось.
Если ж ты... то я умру
Завтра ж с горя поутру.
Сжался, матушка царица!»
Говорит ему девица:
«Но взгляни-ка, ты ведь ссд;

«Как же можно намз вѣнчаться?
Всѣ цари начнутъ смѣяться.
А папз-то, скажутъ, внучку взялъ!»
«Конекъ-Горбунокъ». Ефимова.

Мне пятнадцать только лет:
Как же можно нам венчаться?
Все цари начнут смеяться,
Дед-то, скажут, внучку взял!»

3. азь получасъ стрѣльцовъ позвалъ
 и, не медалъ, приказалъ
 бундучекъ отнестъ въ съѣздищу
 «Конекъ-Горбунокъ». Ершова.

Царь со гневом закричал:
«Пусть-ка только засмеются —
У меня как раз свернутся:
Все их царства полоню!»¹
Весь их род искореню!» —
«Пусть не станут и смеяться,
Всё не можно нам венчаться. —
Не растут зимой цветы:
Я красавица, а ты?..
Чем ты можешь похвалиться?» —
Говорит ему девица.
«Я хоть стар, да я удал! —
Царь царице отвечал. —
Как немножко приберуся,
Хоть кому так покажуся
Разудалым молодцом.
Ну, да что нам нужды в том?
Лишь бы только нам жениться».
Говорит ему девица:
«А такая в том нужда,
Что не выйду никогда
За дурного, за седого,
За беззубого такого!»
Царь в затылке почесал
И, нахмурясь, сказал:
«Что ж мне делать-то, царица?
Страх как хочется жениться;
Ты же, ровно на беду:
Не пойду да не пойду!» —

¹ Полонить — взять в плен.

«Не пойду я за седого, —
Царь-девица молвит снова. —
Стань, как прежде, молодец, —
Я тотчас же под венец». —
«Вспомни, матушка царица,
Ведь нельзя переродиться;
Чудо бог один творит».
Царь-девица говорит:
«Коль себя не пожалеешь,
Ты опять помолодеешь.
Слушай: завтра на заре
На широком на дворе
Должен челядь ты заставить
Три котла больших поставить
И костры под них сложить.
Первый надобно налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Вот, коль хочешь ты жениться
И красавцем учиниться —
Ты, без платья, налегке,
Искупайся в молоке;
Тут побудь в воде варёной,
А потом ещё в студёной.
И скажу тебе, отец,
Будешь знатный молодец!»
Царь не вымолвил ни слова,
Кликнул тотчас стремяннова.

«Что, опять на окиян? —
Говорит царю Иван. —
Нет, уж дудки, ваша милость!
Уж и то во мне всё сбилось.
Не поеду ни за что!» —
«Нет, Иванушка, не то,
Завтра я хочу заставить
На дворе котлы поставить
И костры под них сложить.
Первый думаю налить
До краёв водой студёной,
А второй — водой варёной,
А последний — молоком,
Вскипятя его ключом.
Ты же должен постараться,
Пробы ради, искупаться
В этих трёх больших котлах,
В молоке и двух водах». —
«Вишь, откуда подъезжает! —
Речь Иван тут начинает. —
Шпарят только поросят,
Да индюшек, да цыплят;
Я ведь, глянь, не поросёнок,
Не индюшка, не цыплёнок,
Вот в холодной, так оно
Искупаться бы можно,
А подваривать как станешь,
Так меня и не заманишь.
Полно, царь, хитрить-мудрить
Да Ивана проводить!»

„Что опять на океанъ?“
 Георгій царю Иванъ.
 „Мотъ ужъ ачаки, ваша милость!
 Ужъ и то бо мнѣ бѣе сбилось;
 Не поѣду ни за что!“
 „Конекъ-Горбунекъ“. Ершова.

Царь, затрясши бородою:
«Что? Рядиться мне с тобою? —
Закричал он. — Но смотри!
Если ты в рассвет зари
Не исполнишь повеленье, —
Я отдам тебя в мученье,
Прикажу тебя пытать,
По кусочкам разрывать.
Вон отсюда, болесть злая!»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конёк его лежал.
«Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конёк. —
Чай, наш старый женишок
Снова выкинул затею?»
Пал Иван к коньку на шею,
Обнимал и целовал.
«Ох, беда, конёк! — сказал. —
Царь вконец меня сбывает;
Сам подумай, заставляет
Искupаться мне в котлах,
В молоке и двух водах:
Как в одной воде студёной,
А в другой воде варёной,
Молоко, слышь, кипяток». —
Говорит ему конёк:
«Вот уж служба так уж служба!
Тут нужна моя вся дружба.

Как же к слову не сказать:
Лучше б нам пера не брать;
От него-то, от злодея,
Столько бед тебе на шею...
Ну, не плачь же, бог с тобой!
Сладим как-нибудь с бедой.
И скорее сам я сгину¹,
Чем тебя, Иван, покину.
Слушай, завтра на заре
В те поры, как на дворе
Ты разденешься, как должно,
Ты скажи царю: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать,
Чтоб впоследствии с ним проститься».
Царь на это согласится.
Вот как я хвостом махну,
В те котлы мордой макну,
На тебя два раза прысну,
Громким посвистом присвистну,
Ты, смотри же, не зевай:
В молоко сперва ныряй,
Тут в котёл с водой варёной,
А оттудова в студёной.
А теперича молись
Да спокойно спать ложись».
На другой день, утром рано,
Разбудил конёк Ивана:
«Эй, хозяин, полно спать!

¹ Сгинуть — погибнуть.

Время службу исполнять».
Тут Ванюша почесался,
Потянулся и поднялся,
Помолился на забор
И пошёл к царю во двор.
Там котлы уже кипели;
Подле них рядком сидели
Кучера и повара
И служители двора;
Дров усердно прибавляли,
Об Иване толковали
Втихомолку меж собой
И смеялись порой.
Вот и двери растворились,
Царь с царицей появились
И готовились с крыльца
Посмотреть на удалца.
«Ну, Ванюша, раздевайся
И в котлах, брат, покупайся!» —
Царь Ивану закричал.
Тут Иван одежду снял,
Ничего не отвечая.
А царица молодая,
Чтоб не видеть наготу,
Завернулася в фату¹.
Вот Иван к котлам поднялся,
Глянул в них — и зачесался.
«Что же ты, Ванюша, стал? —
Царь опять ему вскричал. —

¹ Фата — женское покрывало из лёгкой ткани.

Отъ Иванъкъ котламъ поднялся,
Глянулъ въ нихъ и зачесался.
„Конекъ-Горбунекъ” Ершовъ.

Тутъ Иванъ одержалъ снахъ....
 „Конекъ-Горбунекъ.“ ѿ

...
кз." & wobn.

К
 отъ онъ въ платьѣ нарядился,
 Царь-дѣвицу поклонился,
 всѣмъ

Всмотрѣлся, побордзясь,
въ важнымъ видомъ дѣло князь.
„Конекъ-Горбунекъ!” Ершовъ.

Исполняй-ка, брат, что должно!»
Говорит Иван: «Не можно ль,
Ваша милость, приказать
Горбунка ко мне послать?
Я впоследни б с ним простился».
Царь, подумав, согласился
И изволил приказать
Горбунка к нему послать.
Тут слуга конька приводит
И к сторонке сам отходит.
Вот конёк хвостом махнул,
В те котлы мордой макнул,
На Ивана дважды прыснул,
Громким посвистом присвистнул,
На конька Иван взглянул
И в котёл тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий,
Что ни в сказке не сказать,
Ни пером не написать!
Вот он в платье нарядился,
Царь-девице поклонился,
Осмотрелся, подбодрясь,
С важным видом, будто князь.
«Эко диво! — все кричали. —
Мы и слыхом не слыхали,
Чтобы лъзя¹ похорошеть!»
Царь велел себя раздеть,
Два раза перекрестился, —

¹ Лъзя — можно.

Онз белъла себя раздѣлз
 Два раза перекрестился...
 Бухъ въ котелъ и... Тамъ сварился!
 «Прекъ-тозбучекъ» Егшова.

Бух в котёл — и там сварился!
 Царь-девица тут встаёт,
 Знак к молчанью подаёт,
 Покрывало поднимает

„Люба, люба! Вста кривая.“
 „За Тебя хоп! В самый раз....“
 „Конек-Горбунчик.“ — Ершова

39
...
привет.

И к прислужникам вещает:
«Царь велел вам долго жить!
Я хочу царицей быть.
Люба ль я вам? Отвечайте!
Если любя, то признайте
Володетелем всего —
И супруга моего!»
Тут царица замолчала,
На Ивана показала.
«Люба, любя! — все кричат. —
За тебя хоть в самый ад!
Твоего ради талана¹
Признаём царя Ивана!»
Царь царицу тут берёт,
В церковь божью ведёт,
И с невестой молодою
Он обходит вокруг наложу.
Пушки с крепости палят;
В трубы кованы трубят;
Все подвалы отворяют
Бочки с фряжским² выставляють,
И, напившись, народ
Что есть мочушки дерёт:
«Здравствуй, царь наш со царицей!
С распрекрасной Царь-девицей!»
Во дворце же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами

¹ Талан — счастье, удача.

² Бочки с фряжским — бочки с заморским вином.

Пушки съ крепости палят,
 Из трубы кованны гудятъ....
 „Конек-Горбунекъ.“ Егирова.

Пьют бояре со князьями,
Сердцу любо! Я там был,
Мёд, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало.

ПЕТР ПАВЛОВИЧ ЕРШОВ

*Отрывки из воспоминаний его университетского
товарища А. К. Ярославцева*

Сказка «Конек-Горбунок», напечатанная впервые отрывком в 3-м томе журнала «Библиотека для чтения» в 1834 году и затем отдельной книгой, при жизни Ершова выдержала семь изданий. Начиная с четвертого, вышедшего в 1856 году, она стала печататься с восстановлением тех мест, которые в первом издании были заменены точками. Отрывки из «Конька» теперь приводятся в хрестоматиях. А. С. Пушкин, прочитав эту сказку, сказал между прочим Ершову: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Жуковский, Плетнев и прочие известные литераторы также искренне приветствовали тогда Ершова.

«Конек-Горбунок» по сути — произведение народное; как откровенно говорил сам автор, оно почти слово в слово взято из уст рассказчиков, от которых он его слышал, только он привел его в более стройный вид и местами дополнил. Однако эта внешняя обработка и составила неотъемлемое достоинство таланта Ершова. «Конек-Горбунок» не кажется трудным сочинением; он словно по вдохновению вылетел из головы поэта.

Петр Павлович Ершов родился 22 февраля 1815 года в Сибири, в Тобольский губернии, в селе Безруково.

Отец его был чиновником. Ершов окончил курс Тобольской гимназии вместе со своим старшим братом. Отец, желая дать обоим сыновьям высшее образование, получил возможность перебраться в Петербург. В 1831 году Петр поступил на философско-юридический факультет Университета, а его брат — на физико-математический. Особенно среди братьев замечен был Петр — сибирская девственная натура, хранящая в себе какие-то драгоценности. Бледноватое лицо без румянца, темные волосы слегка закручивались на широком лбу и на висках, брови дугой поднимались над его добродушными глазами, из которых глядели мысль и фантазия.

За год до окончания братьями курса отец их отправился по служебным делам в Херсон, откуда старушка мать вернулась уже вдовой; сыновья остались без отца. Это горе усилилось еще и тем, что средств для поддержания существования осталось немного.

Мое сближение с Ершовым началось со времени появления сказки его. В 1834 году профессор кафедры русской словесности П. А. Плетнев прочел на лекции ее первую часть. Мы были заинтересованы, хотя, казалось, нельзя было не ожидать от загадочного Ершова чего-то необыкновенного. Вскоре сказка была напечатана. Доныне многие вспоминают, с какой жадностью читали они ее повсюду, и как стихи из нее целыми страницами легко укладывались в их памяти.

В это время, летом 1834 года, оба брата кончили университетский курс, но чрезмерные занятия свели старшего в могилу. Петр был сильно поражен этой смертью. Он жил тогда в Петербурге вместе со своей старушкой

матерью на Песках, в небольшом деревянном одноэтажном доме. Когда имя Ершова сделалось известным, около него стали собираться некоторые из литераторов и музыкантов. По желанию новых знакомцев своих он написал несколько либретто для опер, которые, однако, остались неосуществленными, хотя сочинение этих либретто занимало его до увлечения.

Когда мы в откровенных беседах сблизились еще более, он, неохотно открывавший свои тайные замыслы, сказал мне однажды по поводу Конька-Горбунка: «Я думаю из всех русских сказок составить одну, в роде поэмы, где главным героем будет Иван-Царевич». Однако более он о развитии этой сказки-поэмы не распространялся, сберегая, казалось, все это в душе своей...

Ершов горячо любил свою родину, Россию, с жаром всегда восставал при каждом случае за народ православный, но всегда коротко, отрывисто, а от беспощадных нападков на нашего простолюдина решительно отворачивался, как от невежества. Сибирь, колыбель его, занимала его мысли... Ершов говорил о красотах сибирской природы, добавляя, что в Европе они уже искусственны или закрыты промышленностью.

Никогда не было в нем заносчивости, гордости, что он поэт, автор. Казалось, в Петербурге он только подросток во всем, с чем приехал к нам из Сибири. Он был нежная, благородная натура, с самыми честными правилами, душа его была полна лучших порывов и сил творческих, полна поэзии.

Самым замечательным его созданием осталась сказка «Конек-Горбунок». Надобен был простор, в котором

могли бы воплотиться готовившиеся в его душе создания, но простор такой, который удовлетворял бы не только нравственной, а даже и физической его натуре. Когда же ему пришла пора погружаться в жизнь обывательскую, он тотчас начал ей тяготиться.

Вообще Ершов до возвращения его в Тобольск, с 17 до 22 года своего возраста, мало в чем изменился. Он сохранил все прежние свои обычаи, привычки и правила: нелюбовь к заносчивым выходкам, отвращение от всякого заискивания или домогательства корыстного. Он сохранил горячую любовь ко всему прекрасному; поэзия, мир мечтательный были для него миром, из которого он не выходил, или выходил, как выходит милый ребенок после классов для невинных забав своих.

Ершову так хотелось возвратиться в Сибирь, что он решился поступить на короткое время учителем латинского языка в Тобольскую гимназию, для преподавания которого он был вовсе не готов. Летом 1836 года он вместе со своей старушкой матерью отправился в Тобольск, оставив в душе немногих, знавших его замыслы, надежду на осуществление со временем задуманного им громадного «Ивана-Царевича».

Став учителем словесности в Тобольской гимназии, Ершов писал в одном из своих писем другу: «Рассказывать все обстоятельства не позволяет ни время, ни осторожность переписки. Скажу только, что я был влюблен почти два года, испытал и доброе, и худое, что делает любовь и раем и адом... Наконец, видя, что от борьбы моей с собой мне не лучше, решил разрубить узел свадьбой... Разные обстоятельства тянули дело...

Наконец, я получил согласие и на другой же день был представлен женихом... Была скромная свадьба, без всякой пышности... Если хочешь знать, кто моя жена — скажу: вдова одного инженерного подполковника — Серафима Александровна А-ова: красота, ангельский характер и четверо милых детей... С нынешней зимы хочу заняться посерьезнее: жалования моего мне недостаточно; постараюсь литературными моими трудами дополнить недостаток... Не отыщется ли мне место при министерстве просвещения с хорошим жалованием; учителем же быть мне уже надоело: каждый день твердить одно и то же наскучит и Иову. Уведоми меня, что скажут, чтобы не предложили мне такой должности, в какой я неспособен. Я теперь столько счастлив, сколько можно быть счастливым для человека. А если я и желаю перемены, то это для пользы моего семейства... Пословица „женишься — переменишься“ или несправедлива, или не имела надо мной силы. Потому что я такой же лентяй, как и прежде, также без причины весел. Сижу по-прежнему дома или ребячусь с детьми, которые все меня любят».

Это письмо хорошо представляет первые дни новой жизни Ершова, жизни доброго заботливого мужа, образованного отца и честного человека, каким он и оставался до конца своих дней.

Житейские потребности, заботы, тревоги, неразлучные с семейной жизнью, сильно заговорили в Ершове тотчас после его женитьбы, но они не одолели его честных убеждений и благородных правил. Они, мешая его литературной деятельности, не сделали из него писате-

ля-спекулятора, готового жертвовать нравственностью, лишь бы добыть копейку.

В другом своем письме Ершов жаловался другу: «Не поверишь, как скучно двадцать раз говорить одно и то же; и что хуже, говорить не по убеждению... У нас, братец, такая строгость, что преподаватель *не должен сметь свое суждение иметь*, иначе назовут чуть ли не бунтовщиком. Уж пусть бы позволили читать по своим запискам, все было бы легче, а то черт знает, что такое».

В это время Ершов и среди нужды, и гаснущих надежд на улучшение своего материального быта оставался человеком с живой бодрой душой. Он мог бы принести гораздо большую пользу обществу на попроще, более ему сродном, нежели должность учительская, в которой он был не только не полновластен, но даже был ограничен вмешательством посторонних.

Оставаясь по конец жизни своей в правилах честных, с отроческою душой христианина, Ершов оставался и чисто русским человеком. Поэтому-то сказка его и проникнута так русским духом... В своем уединении находил он силу в могучем для него элементе, которым был поникнут всецело и всегда — в религии. Она давала утешение Ершову, потерявшему двух своих детей новорожденными. Однако он не терял своего жизнелюбия. Он получил от природы характер легкий, и притом поддерживался глубокой религиозностью и свой прекрасной спутницей — женой.

«Счастливи! — замечал он в своих письмах. — Двигал было меня сначала, в первые годы женитьбы, бесенок честолюбия, чтобы доставить любимой мною жене

более почетное место в обществе, чем то, которое я теперь занимаю. Однако увидев, что плетью обуха не перешибешь, и что милая моя Серафима любит меня и не в чинах, я бросил эту пустую затею чинолюбия, и доволен своим званием. Лишь бы Господь дал мне средства обеспечить наше житье-бытье, и я вполне был бы счастлив». Не так переносил бы невзгоды человек с характером более серьезным... И еще твердо надеялся он на силы своего таланта.

От 7 марта 1842 г. Ершов писал нам: «Друзья мои, вы вправе бранить меня сколько угодно за долгое мое молчание. Что сказать мне в свою защиту? Тысячу раз брался я за перо и тысячу раз разные разности отрывали меня от дела и бросали то в служебные, то в семейные надобности». Замышляемое им громадное создание, в роде русской поэмы, не только росло и развивалось в его душе, но даже по временам появлялось на бумаге. В оставшихся по смерти его рукописях, которых покойный в минуты мрачного расположения душевного много бросил в огонь, найден был отрывок, очень свойственный замыслу его об «Иване-Царевиче». Вот его начало: «Рано утром, под окном, // Подпершись локотком, // Дочка царская сидела, // Вдаль задумчиво глядела; // И порою, как алмаз, // Слезка падала из глаз...».

А в жизни Ершова постигло новое испытание. «Лишившись жены, — писал он друзьям, — я остался один с образом ее в сердце и с именем ее на устах». Новая женитьба Ершова почти разрушила в нас надежду на его поэтическую деятельность при мысли, что он в глуши и не обеспечен в средствах жизни...

Для нас Ершов остался человеком честным, как в его педагогических делах, так и в семейных. Сказка его «Конек-Горбунук» беспрестанно требовалась публикой, но об авторе ее никто не говорил. Даже знавшие его порой спрашивали — жив ли Ершов? И действительно, смерть уже носилась над ним, а от серьезного лечения удерживала мысль о скудных средствах. Болезнь, быстро развивавшаяся, окончательно одолела его; 14 августа 1869 года приглашенный в дом священник исповедовал больного и приобщил его; 17 числа ему как будто сделалось легче, но 18 августа он благословил жену, детей, простился с ними и тихо и спокойно скончался. Петр Петрович умер истинным христианином. В день его погребения огромная толпа жителей Тобольска проводила тело усопшего автора Конька-горбунка до могилы Тобольского кладбища.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начинает сказка сказываться... 5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Скоро сказка сказывается,
а не скоро дело делается.... 67

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Доселева Макар огороды копал,
а нынче Макар в воеводы попал 135

Петр Ёршов 199

Петр Ершов
КОНЕК-ГОРБУНОК

Ответственный за выпуск

С. Раделов

Верстка, дизайн обложки, подготовка к печати

Е. Гезенцевей

Бумага матовая мелованная

HannoArt Bulk

Сдано в печать 15.04.2019

Объем 6,5 печ. листов

Тираж 3000 экз.

Заказ № 2208/19

ООО СЗКЭО

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

ООО «Издательство «ОНИКС-ЛИТ»

119017, Москва, пер. Пыжевский, д. 5, стр. 1

Отдел реализации: тел.: (495) 649-85-07

Интернет-магазины:

www.labirint.ru, www.my-shop.ru, www.ozon.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт»,

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,

комплекс №3А, www.pareto-print.ru

